

Красные человечки сменились «зелеными»

Репортаж-антиутопия из Перми, которую из столицы современного искусства превращают в город милитари-арта

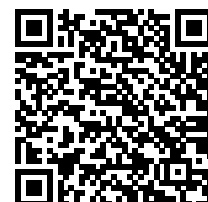
В музее современного искусства. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

10:23, 6 мая 2024,

Иван Жилин

спецкор

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В незапамятные времена, 10–15 лет назад, у России были смыслы, совсем не похожие на те, что сегодня. Дмитрий Медведев и Барак Обама ели бургеры в Вашингтоне и объявляли о «перезагрузке» отношений России и США. Владимир Путин говорил, что сближению России и Европы нет альтернатив, и предлагал построить «единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока». Страна была открыта миру.

Это было время, когда своим видом стремились не ужаснуть, а восхитить. И люди, и целые города искали свои таланты и свою особость. В 2008 году в Перми начался, возможно, самый амбициозный культурный проект современности — «Пермская культурная революция». Она сделала город центром притяжения не только для россиян, но и для иностранцев. Туристы массово съезжались на фестиваль «Белые ночи», собиравший ежегодно более миллиона человек: неудивительно, ведь здесь выступали певцы от Петра Налича или мексиканской оперной примы Клаудии Сиерры до панк-рокеров из британской The Fall; в фестивальные дни проходили десятки выставок, а на улицах в самых неожиданных местах появлялись арт-объекты.

Цель Перми того периода была сформулирована однозначно: стать к 2016 году культурной столицей Европы.

Это была не абстрактная задача: каждый год Совет Евросоюза выбирает культурную столицу, в том числе — среди городов европейских государств, не входящих в ЕС. И там организуют масштабные фестивали. Пермь тоже к этому стремилась.

В качестве организатора культурной революции в город

пригласили галериста Марата Гельмана, которого сегодня власти считают «иностранным агентом». Ему дали полный карт-бланш, и он повез в Пермь артистов с мировым именем, даже смог привлечь к руководству пермской оперой дирижера Теодора Курентзиса, известного по постановкам произведений Верди, Шостаковича, Прокофьева и Моцарта.

«Два года назад выходить на Заксобрание с инициативой «Пермь — культурная столица» было как-то неприлично. Никто ее всерьез не воспринимал. Но посмотрите, сколько уже сегодня сделано», — **говорил** вице-премьер Пермского края Борис Мильграм в 2012 году, когда культурная революция шла уже 4 года.

Однако все изменилось в одночасье. В 2014 году случился Крым, и страна резко развернулась к консерватизму. Вместо разговоров о столице Европы в Перми в 2016 году **стали вести** такие:

Игорь Gladnev, региональный министр культуры:

«Во время Великой Отечественной укрепилась одна из основных функций Пермского края — оборонительная. Урал — это опорный край державы. Команда, работавшая в период культурной революции, работала на разрушение. Если бы она продолжалась, был бы нанесен непоправимый вред. Ярко выраженные объекты и субъекты были бы весьма известны, но при этом был бы нанесен вред источнику энергии, менталитету. <...> Известность сама по себе не является высшей точкой целесообразности. Государственная политика в сфере культуры работает в интересах общества. На

сегодняшний день она сформулирована президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. Есть стратегия развития классической музыки, подписанная Дмитрием Анатольевичем Медведевым. В рамках реализации этой миссии ключевыми являются вопросы культурной идентичности, национальной безопасности, воспитания и образования».

Красные человечки, которые появлялись на улицах Перми, выставки современного искусства, опера мирового уровня — все это оказалось в «новой» России ненужным. Видимо, создающим угрозу. Но что пермякам предложили вместо этого?

Корреспондент «Новой» отправился в Пермь и сам не смог поверить, насколько сильно все перевернулось в городе.

«Пермские ворота» (народное название «табуретка»). Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

«Стали происходить странные, но очень интересные вещи»

— Ты, наверное, будешь последним журналистом, который сфотографирует «табуретку», — бывший главред пермского «Эха», а ныне курьер Роман Попов везет меня от железнодорожного вокзала.

«Табуретка» — народное название «Пермских ворот», 12-метровой квадратной буквы «П», сложенной из бревен. Одного из объектов, появившегося в городе во время культурной революции и вполне справившегося со своей ролью — «стать символом Перми при въезде». В скором времени ворота должны снести — не в рамках борьбы с «революцией», а ради строительства транспортной развязки. Попов уверен, что власти очень рады такой возможности: вроде как никакой

политики — просто городу развиваться нужно, кто ж будет с этим спорить? Ну и заодно «вражеский элемент» убрать. Перенести арт-объект, по словам чиновников, невозможно физически.

Буква «П» — один из последних следов «культурной революции». Когда его не станет, останутся только Музей современного искусства и инсталляция «Счастье не за горами», которая стала настолько узнаваемым символом Перми, что власти решили закрыть глаза на то, что ее создавали «враги народа».

Роман Попов. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

О своем отношении к культурной революции Попов начинает рассказывать издали.

— В 1999 году я был с друзьями в Самаре. Это был очень

красивый город. Мы сошли с друзьями с теплохода и спросили у кого-то из местных, как найти рок-магазин. Хотели послушать что-нибудь новое. Нам ответили в духе: «Прямо, потом направо, потом еще пара поворотов и там, в подвале, найдете». Мы поблагодарили, уже начали уходить, как вдруг человек, который подсказывал дорогу, нас окликает: «Пацаны, а вы откуда?» Мы: «С Перми». Он: «А... Пермь... ну да-да. Ну че, такой обычный промышленный город». Вот эти слова у меня в голове засели на всю жизнь. Потому что мы и были «обычным промышленным городом». И многое в самосознании пермяков связано с этим ощущением. Какой-нибудь Екатеринбург — это да, столица! А мы — задворки. Нас даже с Пензой можно путать. И вдруг именно на наших задворках начинает происходить какая-то странная движуха.

О начале «революции» пермяки, вспоминает Роман, узнали, когда на заброшенном и обветшавшем здании речного вокзала появился баннер «с двумя беззубыми гопниками». Это была репродукция картины из «Евангельского проекта» художников Дмитрия Врубеля и Виктории Тимофеевой. Но город, конечно, об этом пока не знал.

— А речной вокзал видно с очень многих точек в Перми, — рассказывает Попов. — И люди смотрели и не понимали, что происходит. Что за гопники? Почему? Почему они на речном вокзале? И это было очень хорошее начало: город встревожился, стал задавать вопросы. А потом выяснилось, что Марат Гельман захотел открыть Музей современного искусства именно там. Решение было удачным. Ради этого как минимум отремонтировали историческое здание и всю округу, включая железнодорожный вокзал Пермь-1.

В городе появилась настоящая точка притяжения, где было приятно и просто гулять

и, если хочешь, соприкоснуться с искусством.

Пространство вокруг речного вокзала действительно стало общим: для интеллигенции — музей, для тех, кому искусство не особо интересно, — прогулочная зона и... тоже искусство: «Счастье не за горами» установили прямо за вокзалом.

Инсталляция «Счастье не за горами». Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

— Еще прямо перед музеем поставили «бэху» (BMW), расстрелянную из автоматов. Просто тачку, испещренную пулями. Ну это же что-то, — приподнято говорит Роман. — В общем, в городе стали происходить какие-то очень странные, но очень интересные вещи. То красный человек на здании филармонии появится, то гигантский жук-скарабей у железнодорожного вокзала. И это происходило постоянно и неожиданно, а потом куда-то исчезало, менялось местами. А потом начались «Белые ночи», и я помню, как шел по эспланаде, где было полно народу, и вдруг чуть не упал. На

сцене играл Шахаб Толуи (*иранский гитарист-виртуоз, живущий в Чехии, исполнитель фламенко. — И. Ж.*). То есть человек, который вчера наверняка выступал где-нибудь в Израиле, а завтра будет играть в Барселоне, сегодня здесь, у нас — в Перми. Ничего себе! Я просто скажу, что было до этого: эспланада была площадкой для проведения праздников вроде «Дня пива», на которых выступали второсортные коллективы. И тут...

Роман уходит еще дальше в историю и говорит, что Пермь долгое время была административным центром для всего Урала благодаря расположению на Каме, но с развитием других транспортных артерий стала постепенно терять эту значимость и к середине прошлого века сделалась «одним из многих» городов, уступив первенство Свердловску (Екатеринбургу). Город стал чувствоваться рядовым, обычным, Роман обозначает это словами «город не первого порядка».

— И вдруг при Гельмане у нас начали происходить такие события, которые заставили многих осознать: «Ого, да мы же круче Кирова. Да мы круче Ижевска. Да, черт возьми, мы не хуже Екатеринбурга! Да, в Екатеринбурге большие «бабки», но к кому екатеринбуржцы ездят на премьеры? К нам, к нам, заразы! Да к нам Роман Абрамович прилетает, чтобы сходить в театр».

Лично меня именно культурная революция сделала патриотом. Человеком, который полюбил Пермь и все пермское. Город как-будто бы открылся заново: и улицы, и Кама, и театры.

Критики культурной революции говорят: «Слушайте, у нас все это было и без Гельмана! Что у нас, Камы не было? Эспланады не было?» А я осмелюсь сказать, что да, не было. Потому что

команда, делавшая культурную революцию, сумела все это показать в новом свете, дать этому новый смысл.

Только я хочу спросить, какие же смыслы у города сейчас, что ему дали взамен «революции», как Granta Романа тормозит у речного вокзала. И все становится понятно без слов. В здании, с которого начиналась культурная революция, теперь работает патриотический музей «Россия — моя история». Эти музеи появились сегодня почти по всей стране. Историки неоднократно критиковали их за идеологизированность и передергивание фактов (например, за приписывание Александру Невскому стремления «крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке» — ученые напоминают, что на Востоке у Руси никаких друзей тогда не было, ведь сама Русь тогда находилась в фактически вассальной зависимости от Орды). Забегая вперед, скажу, что ничего интересного в пермском музее сейчас увидеть нельзя — основные экспозиции на реконструкции.

— Ну вот, собственно, наши новые смыслы, — говорит Роман. — Но это еще не все. После 2022 года очень популярным, особенно для школьных экскурсий, стал музей пермской артиллерии. Туда теперь возят учеников и рассказывают им о наших мощных пушках, которые производят на Мотовилихинском заводе. Там же делают реактивные системы залпового огня, гаубицы. Вот о чем теперь считают важным говорить пермякам. А на день города к нам приедет Игорь Саруханов, будет исполнять свой «бессмертный хит» «Скрипка-лиса». Были мировые звезды, теперь Саруханов. И снова разговоры о том, что Пермь — промышленный город...

Музей артиллерии. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Недосягаемость добра

13 марта ФСБ провела обыски у директора Музея современного искусства PERMM Наиля Аллахвердиевой. Как они происходили и что именно заинтересовало силовиков — раскрыть никто не может, ведь оперативные мероприятия проводились в рамках уголовного дела о государственной измене. Аллахвердиева — свидетель. Оперативники посчитали, что она может что-то знать об акционисте и бывшем издателе «Медиазоны»* Петре Верзилове*.

Поговорить с Наилей мне так и не удастся: сначала она говорит, что заболела, а потом — перестает отвечать на сообщения. Впрочем, в свете обысков это легко понять.

Сам Музей современного искусства работает. Из здания речного

вокзала его выселили в автосалон Mercedes — компания ушла из России, а ее активы оказались заброшены. На выставке «И да и нет» два контрастных зала: черный и белый. «Темнота обычно органически воспринимается как угроза. Материальность темного вызывает если не страх, то тревожные неприятные эмоции. Черный цвет ассоциируется с отрицанием, злом, смертью. Работы черной части экспозиции — в основном объемные, подчеркнута материальные изображения. <...> Статика, замороженность, пауза большинства работ — метафора постоянства, конкретности и обыденности зла», — говорится на стенде, рядом с которым стоит сделанный из металлолома и камней скелет динозавра.

В черном зале — композиции, напоминающие печи с людьми, тяжелые предметы из резины. Особо задевает резиновая рубашка, напоминающая одновременно и строгую одежду военного и смиренную — заключенного.

В музее современного искусства, черный зал. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

«Свет — условие безопасности, роста, ясности и спокойствия. Бесплотность света открывает пространство. Белый содержит в себе все остальные цвета. Белый в европейской традиции, безусловно, положительный цвет. <...> Цвет управляет нашими эмоциями, причем всеми, не только позитивными. Часто цвет скрывает подмену, подделку, искусственность. Еще цвет может быть признаком измененного сознания, опьянения, галлюцинирования. Полноцветное, светлое и возвышенное может обернуться наивностью, идеализмом, соблазном, тщетными надеждами, самообманом, потерей лица в пространствах абстрактного и потому недостижимого добра», — читаю в белом зале.

Недостижимое добро. Обыски. Все переплелось в Перми. И кажется, что черный зал торжествует. Потому что зло — легко достижимо.

Но эта мысль может быть ошибочной. Ведь современное искусство требует большого осмысления. А город сегодня, как я пойму позже, стремится к простоте.

В музее современного искусства, белый зал. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Перемена смыслов

Надежда Агишева — бывший депутат Пермской городской думы от «Яблока», а сегодня — зампред комитета Общественной палаты Перми по развитию институтов гражданского общества. Еще она — основатель Центра городской культуры (ЦГК), на площадке которого проходят художественные выставки, лекции и фестивали.

В ЦГК мы с ней и встречаемся: сейчас там проходит выставка-продажа работ пермских художников. Весьма, нужно сказать, оригинальных: от примитивистски вышитых нитями

натюрмортов до большого полотна под названием «Капитан», изображающего мужчину в квартире на фоне потопа.

Надежда Агишева. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

— Культурную революцию нельзя рассматривать в отрыве от политической жизни региона, — рассказывает Надежда. — К 2009 году в Перми все было печально: высокий уровень преступности, отток населения, очень сильно изношенные коммуникации. Ни один губернатор без серьезной помощи сверху таких проблем не решит. И в то же время любому губернатору нужны какие-то успехи. И Олег Чиркунов, который тогда возглавлял Пермский край, увидел вот эту возможность — европейская культурная столица. Быстро, заметно и понятно. И на это стали выделяться ресурсы, любые вопросы решались оперативно и легко. Марату Гельману и его команде был дан полный карт-бланш. И нужный эффект был достигнут: люди

заинтересовались Пермью, сотни тысяч человек увидели интересные арт-объекты. У Перми появились символы, по которым ее узнают в других городах — то же «Счастье не за горами». И, господи прости, уже 10 лет прошло, как никакой «революции» нет, а вы приезжаете и спрашиваете о ней — значит, это действительно было важное явление.

Несмотря на то, что культурная революция была во многом политическим ходом, Агишева рассказывает, что благодаря ей раскрылось и множество пермских художников — в том числе Михаил Павлюкевич и Ольга Субботина, работающие как в направлении реализма, так и в направлении абстракционизма. Их картины на волне пермской революции заметили крупные коллекционеры и зарубежные галеристы.

— И даже просто тот факт, что в твоём городе живет сотня музыкантов хора и оркестра *musicAeterna* (*их перевез в Пермь Курентзис. — И. Ж.*), — тоже очень значимый. Потому что такие люди создают среду вокруг себя, повышают стандарты, их дети учатся в школах, все это оставляет след, меняет место, — говорит Надежда. — Это также очень важно, потому что в Перми, в отличие от Екатеринбурга, нет многих культурных образовательных учреждений: там есть искусствоведческий факультет, есть архитектурный университет. Нам их отсутствие отчасти компенсировала «революция».

И когда сейчас говорят о сносе «Пермских ворот» и вообще демонтаже «наследия Гельмана», я хочу сказать: хорошо, мы все понимаем, что современное искусство тем и прелестно, что оно не навсегда. Но давайте делать другие объекты, создавать другие пространства...

— А они создаются? — спрашиваю я, и Надежда вздыхает.

Сначала она замечает, что планы развивать пространства для инсталляций в городе есть, потому что в Перми все еще многие понимают, что для борьбы с оттоком населения и для удержания квалифицированных кадров комфортная и креативная среда важна.

А потом — предлагает сходить на бульвар Советской армии.

— В последнее время была сильная милитаризация, — говорит она. — Мы теперь, конечно, понимаем почему. Еще до 2022 года стало появляться очень много военных памятников. И все — на этом бульваре. И теперь получается так, что место, которое на самом деле все очень любили, — просто заставлено могильными плитами.

Памятник участникам войны в Чечне. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Я иду в сквер и с трудом верю своим глазам. Бульвар начинается с памятника военным, погибшим в Чечне. Исполинский куб, на фоне которого стоит человек с автоматом. «В этом месте заложена капсула с землей с места гибели военнослужащих города Перми, погибших при участии в контртеррористической операции на Северном Кавказе», — гласит надпись рядом с автоматчиком. Через 100 метров — советский танк, единственно стоявший в сквере до недавнего времени. За танком — памятник погибшим афганцам: четверо мужчин встали в круг, взявшись за плечи, но круг не сомкнут, ведь на войне они потеряли товарища. Рядом с памятником кто-то заботливо поставил рюмку. Вокруг него — плиты с именами погибших в Афганистане пермяков. Дальше — памятник десантникам. Замыкают сквер Петр и Февронья — кто и зачем решил поставить памятник «семье, любви и верности» среди памятников погибшим?

Памятник десанникам. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Новые выставки

Возвращаясь из сквера, иду на эспланаду. Теперь здесь больше нет креативных скульптур и инсталляций. Инсталляция стоит одна — надпись #Мывместе, — очевидно, в поддержку спецоперации. Напротив надписи на доме висит большая растяжка: «Мы защищаем свой родной дом». Я не сразу понимаю, что это — афиша выставки.

Афиша патриотической выставки. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Прямо напротив бывшего Музея современного искусства (а теперь патриотического центра «Россия — моя история»), в помещении Завода Шпагина, два больших зала выделены под выставку о событиях в Украине. На входе — двое парней в военной форме. Тщательно досматривают мой рюкзак и впускают внутрь. Стены павильонов расписаны информацией о Майдане, «анти-России», «нацистах», «бандеровцах».

«Причины СВО: угроза суверенитету и существованию России, угроза применения Украиной ядерного оружия в отношении России...», — читаю на одной из стен.

На другой — о Мариуполе: «Город долго находился под контролем украинских националистов. В ходе военной операции российской армии город был освобожден от боевиков. На момент освобождения, весной 2022 года, Мариуполь был практически полностью разрушен. По заявлению Константина

Иващенко, главы администрации Мариуполя от ДНР, в апреле 2022 года в городе находилось до 250 тысяч жителей — примерно половина от того количества, что было до боевых действий».

Выставка о событиях в Украине. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Присоединяюсь к идущей экскурсии. Как раз на самом интересном моменте.

— А вот этот блокнот наши воины привезли из зоны спецоперации, — рассказывает десятку подростков женщина лет шестидесяти, показывая на развернутую за стеклом записную книжку с календарем. Подростки откровенно скучают и больше залипают в телефонах, чем слушают. — Этот предмет со всей очевидностью доказывает, что Россия лишь немного опередила украинское нападение. Посмотрите на дату — 26 лютого 2022 года. «Лютый» по-украински — это февраль.

Смотрите, что написано: «Початок війни Росії проти України». То есть они готовились. Всего на два дня мы их опередили.

Уровень доказательств, конечно, впечатляет.

— Россия, конечно, до последнего не хотела начинать боевые действия. И даже когда признала независимость «ДНР» и «ЛНР» — рассчитывала, что этого хватит, чтобы остудить пыл националистов. Но в ответ обстрелы только усилились. Особенно сильно стреляли по Авдеевке, — говорит экскурсовод, видимо, даже не держа в голове, что к февралю 2022 года Авдеевка еще находилась под контролем Украины.

Блокнот — доказательство, что Украина собиралась напасть на Россию. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Урбанист Денис Галицкий — один из критиков культурной

революции. Впрочем, не из консервативных и не относящихся к борцам со всем «иноагентским» или «непонятным».

Мы встречаемся с ним в его «штаб-квартире» в обычном сталинском жилом доме. Первое, что бросается в глаза при входе в кабинет (большую комнату) — огромная голова Давида.

— Это во время культурной революции у нас собирались объединять художественное училище с каким-то колледжем. Классическое искусство не было в почете, сокращали как могли, — замечает он. — Вот Давид ко мне оттуда и переехал.

Училище, к слову, все-таки сохранили.

Денис Галицкий. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

Я спрашиваю Дениса, считает ли Пермь сама себя городом столичным или провинциальным, и он отвечает витиевато:

— Вопрос непростой. У нас городскому театру — 150 лет, а в Челябинске, который больше нас, театр впервые создан в советские годы. То, что мы были губернским городом, оно все-таки накладывает отпечаток. Хотя мы сейчас меньше Челябинска, меньше Екатеринбурга, но есть какие-то такие практики, ценности, которые передаются неформально, в семьях — и они во многом важнее формальных вещей. Я это понял, когда оказался в Баку. Баку же — это место нефтедобычи с бешеными деньгами и с кварталами, которые просто повторяют Париж. И я по привычке решил сходить в оперу. Оперный театр шикарный — наверное, на тысячу зрителей. Но когда все началось, в зале было всего 15 человек. Было очень неловкое чувство из-за того, что людей на сцене больше, чем в зале. Я такого никогда не испытывал. Разговорился с женщиной, с которой сидел на балконе, и она сказала, что другие зрители — тоже не сами туда пришли, а по разнарядке на предприятии. Она сказала, что до распада СССР весь культурный слой в Баку был русский и армянский. А потом они все уехали, и теперь как бы и без театра нельзя (и потому государство его финансирует), но и зрителей особо нет. Поэтому, с моей точки зрения, Пермь — город, который не имеет столичного лоска, но уж точно не имеет и провинциального менталитета.

О «культурной революции» Галицкий говорит как о политическом проекте губернатора Олега Чиркунова и сенатора Алексея Гордеева. По его словам, Гордеев в уже достаточно взрослом возрасте обучался урбанистике в Великобритании (*в официальной биографии сенатора об этом ничего не говорится.* — И. Ж.). И, приехав в Пермь, решил реализовать свои знания на практике.

— Причем это было сделано в ультимативной форме, навроде «я знаю, как надо». Я тогда занимался охраной памятников, и мы были на встрече с Гордеевым. Выслушав его, я сказал: «Если вы думаете, что знаете, что нужно делать, а все остальные должны молчать и исполнять, то меня такой проект не интересует».

Когда сюда приехал Гельман, он тоже, не стесняясь, говорил, что мы все тут плесень, а он знает, что надо делать. Что хотят жители, команду культурной революции вообще не интересовало, — рассказывает Галицкий. — И из-за этой нахрапистости они просто поссорились с пермской культурной элитой. Да, какая-никакая, но она все-таки в городе была и остается. Пусть многие из этих людей пишут стихи в духе советских поэтов, но это культурный слой, который существует, а они — просто его отрицают.

По словам Дениса, главная проблема «культурной революции» была именно в непропорциональности: на современное искусство бюджет региона деньги находил, а классическое — оставалось в стороне.

— Хотя, казалось бы, если есть человек, который лапти плетет или из бересты что-то делает — пусть делает, почему бы его тоже не поддержать? С другой стороны, конечно, я видел, что многие молодые люди смотрели на Гельмана как на кумира. Я понимаю, что у этого искусства есть своя аудитория, и она немаленькая. Но я за то, чтобы развивались разные направления, чтобы не было фаворитов. И, конечно, за то, чтобы у людей все-таки спрашивали, чего они хотят. Чтобы не было такого, что вдруг на набережной Камы появляется большое кирпичное надкушенное яблоко. И его преподносят как данность. А если оно людям не нравится?

Слова урбаниста, как ни крути, очень резонные. Впрочем, спросил ли кто-то пермяков, хотят ли они в городе военных памятников, повод для появления очередного из которых происходит прямо сейчас? Красные человечки на улицах Перми сменились «зелеными» — не угрожающими безопасности

страны. Вот только смотреть на них миллионы туристов не приезжают.

Наследие культурной революции. Фото: Иван Жилин / «Новая газета»

* Признан Минюстом «иностранным агентом».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Обыск как перформанс](#)

Послесловие к облаве на художников: есть ли логика в полицейской «культуре отмены»

11:58, 20 марта 2024, Виктория Артемьева